

Тамара Злобина

Хищник

Детектив

Тамара Злобина
Хищник. Детектив

«Издательские решения»

Злобина Т.

Хищник. Детектив / Т. Злобина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936085-4

Адвокат Сергей Топилин ранним осенним утром, спеша на встречу с высокопоставленным чиновником, находит в проходном дворе очередную жертву маньяка, прозванного журналистами «Хищником». Погибшая оказывается бывшей однокашницей его и частного детектива Татьяны Рябининой. Чиновник просит Топилина взяться за защиту арестованного племянника, которого обвиняют в убийстве девушки, подозревая, что именно он является тем самым маньяком. Топилин предлагает Рябининой взяться за это дело и найти «Хищника».

ISBN 978-5-44-936085-4

© Злобина Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Охота	6
Глава 2. Страшная находка	11
Глава 3. Запланированная встреча	16
Глава 4. Частный детектив Рябинина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Хищник Детектив

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-6085-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Охота

Он крался, как хищник в ночи: мягко, неслышно ступая на опавшую листву. Осенняя ночь была темна и неприветлива: порывы ветра срывали последнюю листву с деревьев и бросали в лицо человеку-хищнику. Но, несмотря на непогоду, тёмная фигура упорно двигалась навстречу ветру, словно не ощущая его остужающего дыхания.

Чуткий слух ловил каждый шорох, каждое постороннее движение. Зоркий взгляд хищника буравчиком ввинчивался в ночную тьму, выхватывая из неё, как из тёмной, большой памяти, будоражащие нервы картины.

Но тщетно он бродил сегодня по городу, пугая своим внезапным появлением бродячих собак и кошек: улицы были пустынные. Это раздражало его, вызывая неприятное ощущение бессилия и злобы. Охота срывалась.

Хищник, кружа по улицам, не чувствуя холода и усталости, повторял про себя:

– Ну, где же ты, дорогая? Где ты?.. Иди ко мне... Я жду тебя... Иди ко мне...

Этими словами он подбадривал себя, рисуя в воображении картины очередной желанной встречи с Его Женщиной.

Кутаясь в мешковатое чёрное пальто, скорее в целях маскировки, чем для того, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, он чутким ухом вслушивался в дыхание ночного города.

Вот где-то в двух-трёх кварталах от него проехала патрульная машина с мигалкой и характерным сигналом. Человек-хищник машинально прижался к стене, стремясь слиться с ней воедино.

Во дворе дурным голосом взвыли коты: не то, пугая соперников, не то, готовясь к любовным играм. Эти щемящие, будоражащие звуки подстегнули его животное желание обладать кем-то, и как можно скорее. Мужчина ускорил шаг, всё так же пристально всматриваясь в темноту, готовый в любую минуту броситься на выбранную жертву.

Ближе к центру начали попадаться запоздалые прохожие. Мимо него прошла группа молодых людей, смеясь о чём-то своём, подтрунивая друг над другом. Их было человек пять, и они не обратили никакого внимания на идущего им навстречу человека в длинном чёрном балахоне.

Хищник упорно двигался к центру города, выхватывая из темноты цепким взором, одиноко идущие фигуры. Вот возник пожилой мужчина, бредущий куда-то тяжёлой, неторопливой поступью. Появилась супружеская пара, шествующая под ручку. Молодой человек быстрым шагом проскочил мимо, спеша, видимо, к своей возлюбленной.

Такие наблюдения всегда добавляли хищнику агрессивности, возбуждая его желания до неприличного состояния. Но сегодня всё нервировало его больше обычного: он был зол и на этих супругов, которые явно торопились в постель, чтобы получить, причитающуюся им ежедневную порцию любви; и на этого парня, спешащего к возлюбленной с единственной целью: заняться с ней любовью.

Он был зол на них за то, что природа, наградив их способностью любить, дала им это право лишь потому, что они хотят, могут, способны и за то, что лишила его, своё создание, этого права.

Бесполезные шатания привели хищника на небольшую тихую улочку, и он, вдруг, каким-то шестым чувством, ощутил присутствие самки. Ускорив шаг, через несколько минут увидел

женский силуэт,двигающийся параллельно многоэтажному дому. Женщина, видимо, надеясь под его прикрытием избежать нежелательных встреч, изредка кидала беспокойные взгляды по сторонам, желая убедиться, что её не преследуют, и вновь двигалась дальше.

Что она молода, хищник уже не сомневался: лёгкость походки, стройность фигурки говорили сами за себя. И мужчина напрягся, играя сухожилиями и нервами, как струнами: походка его стала почти летящей, движения совершенны и целенаправленны.

Он уже чувствовал запах своей жертвы, её тонкие духи, запах волос, нежной кожи, роскошного тела, представляя, что через несколько мгновений всё это восхитительное великолепие будет его – только его.

Мышцы на теле инстинктивно напряглись, причиняя боль своим резким сокращением, но хищнику уже было всё равно: он как зверь, выследивший добычу, устремился вперёд за своей жертвой.

Инстинкт охотника победил всё: и вспыхнувшее с новой силой возбуждение, и болезненный напряг мышц. Все эти явления происходили как бы отдельно от его охотничьего порыва, а точнее: параллельно с ним.

Он двигался по-кошачьи мягко, прижимаясь к домам, чтобы не обнаружить себя раньше времени, и не вспугнуть жертву: регулярные охоты научили его быть осторожным, хитрым, ловким.

Женщина повернула направо и остановилась, внимательно всматриваясь и вслушиваясь в темноту, словно что-то услышав или почувствовав. И хищник затаился, сливаясь с домом в единое целое, присматриваясь к поведению своей очередной жертвы. А та, постояв несколько секунд, и, не усмотрев ничего подозрительного, двинулась дальше, ускоряя шаг.

Мужчина последовал за ней, не выпуская из поля зрения, понимая, что конечный пункт жертвы, возможно, недалёк. Он решил действовать, и после очередного поворота ринулся на женщину так неожиданно и с такой силой, что женщина упала лицом вниз, не успев даже вскрикнуть.

Падая, она успела за что-то уцепиться, и это что-то упало на спину хищника и ударило его. Но он не чувствовал боли: дикая, яростная похоть охватила каждую частичку, каждую клеточку, затуманивая сознание.

Перевернув женщину лицом вверх, хищник рванул застёжки на её груди, освобождая её от одежды.

– О, непорочная, чистая дева Мария! – шептали в исступлении его губы, лаская лицо, шею, грудь женщины.

В этих словах, в этом шёпоте было столько страсти, нежности и вместе с тем столько боли и ненависти, что могло показаться: произносивший их мужчина напрочь лишён нормального человеческого рассудка.

Мужчина отстранился от обнажённого тела, любуясь его чётко проступающим белым контуром.

– Богиня! – шептали его губы, искусанные в кровь от нечеловеческой силы желания. – Моя богиня! Ты так прекрасна в своём первозданном виде!

Руки хищника ласкали тело жертвы грубо, жадно, стараясь поднять желание на ещё более высокую черту. Его жёсткие ладони, видимо, причиняли боль женщине, и она застонала.

Хищник лишь на мгновение прекратил свои действия, желая удостовериться в том, не послышалось ли ему это, но вокруг стояла глухая тишина, укрывая, лежащих на земле, своим чёрным саваном.

Осознание этого понравилось хищнику: он оскалил зубы в довольной ухмылке, и вновь ринулся на распростёртое на земле тело. Лишь только его руки коснулись женщины, она вновь застонала. Тогда хищник впился своими кровоточащими губами в её нежные, дрожащие губы, стараясь заглушить стоны.

Его левая рука лихорадочно шарила вокруг, отыскивая что-нибудь тяжёлое. Тем временем женщина, окончательно придя в себя, постаралась освободиться от мерзкого создания, придавившего её к земле всей своей тяжестью. Она царапала его, рвала волосы, пытаясь вырваться из ненавистных объятий, но силы были явно не равны, поэтому её попытки не увенчались успехом.

Хищник, шепча что-то малопонятное, нащупал рукой осколок кирпича и со всей силой страха, желания, ненависти и любви, обрушил его на голову своей жертвы. Женщина охнула и вновь потеряла сознание, а он для верности ударил её ещё раз, разбивая голову жертвы в кровь, которая брызнула ему на лицо и на одежду.

Теперь он нервничал ещё больше: торопился, расстёгивая пуговицы на своей одежде. Хищник терзал тело жертвы губами, руками, призывая ответить на его любовь так же страстно, так же отчаянно, как это делал он, но ничего не получал в ответ – этот нежный сосуд любви был к нему холоден и безразличен.

Равнодушие к проявлениям его безграничной любви, делало хищника безжалостным мстителем за то, что в очередной раз не любим, в очередной раз отвергнут. Его меч возмездия, с горячей страстью входя внутрь поверженной жертвы, извергал в неё всю его боль, всю обиду, всю досаду на эту половину человечества под названием женщина.

В этот момент он чувствовал себя победителем, Наполеоном. Его глаза сверкали, как раскалённые угли. Румянец на худощавых скулах делал лицо молодыми и ужасным одновременно, словно это был вовсе не человек, а демон мщения.

Совершив обряд покорения, он положил руку на глаза любимой, прижался со всей силой страсти и любви своими дрожащими губами к её безжизненному рту и прошептал:

– Ты моя... Ты навсегда теперь моя...

Затем он поднялся, обрывая все связи, соединившие его в одно целое с Его Женщиной, глядя ей в лицо с такой любовью и нежностью, словно расставание с ней было невыносимым испытанием, наказанием.

Его голос срывался:

– Прощай, любовь моя... Прощай навсегда...

Хищник нагнулся над своей жертвой, с нежностью взял её руки и, поцеловав обе ладони, крест-накрест прикрыл ими грудь женщины. Затем какой-то одеждой прикрыл нижнюю часть её тела.

Он не ушёл с места любви до тех пор, пока не привёл себя в порядок. Почему он вёл себя каждый раз именно так – он не знал. Может быть это стало своеобразным ритуалом, а, может, он просто хотел таким образом сохранить хоть частицу тепла, частицу любви, полученную от этого странного, неумного создания – женщины, отвергающей его при свете дня и, отдающей ему свою жизнь ночью.

Потом он ушёл от неё прочь, заново переживая, смакуя все подробности этой короткой любви. Он шёл и шёл, не чувствуя ног, не ощущая холода, не опасаясь редких прохожих, косо посматривающих на странного человека, бредущего посередине улицы. Его не остановил никто, хотя весь вид этого странного создания внушал подозрение.

Так бывало каждый раз. Никому не было до него дела. Вот и сейчас патрульная машина проехала мимо. Хищник усмехнулся запёкшимися губами и ушёл дальше.

Утро застало его в небольшом сквере на скамейке. Взору предстало жалкое создание: мужчина чуть выше среднего роста, непонятного возраста, уставившись потухшим взглядом в одну точку, был так далёк от действительности, что казался нереальным.

Он был худ, небрит, со ссадинами на лице и запёкшейся кровью на губах. Чёрное, не первой свежести пальто мешковато свисало с плеч, прикрывая тщедушное тело. Можно было подумать, что мужчина или нетрезв, или в глубокой прострации от перенесённого горя.

Дворничиха тётя Катя, заставшая горемыку в таком состоянии, пожалела несчастного и, подойдя вплотную, дотронулась до его плеча рукой.

– Шёл бы ты домой, касатик. Ну, что ты тут сидишь на холоде?

Мужчина поднял глаза на уровень лица тёти Кати, и что-то промылчал в ответ.

– Что-что? – не поняла та. И после краткого молчания, повторила просьбу:

– Шёл бы домой, говорю. Жена, наверное, волнуется.

– Да-да, – механически произнёс мужчина, не вдумываясь в слова, – Да-да...

– Иди домой, пока в полицию не забрали, – напутствовала его сердобольная тётя Катя.

Сердобольная тётя Катя даже понятия не имела кого пожалела в эту минуту. А, если бы знала, что бы сделала? Стала дуть в свисток, что ей выдал участковый, или кинулась на это чудовище с метлой наперевес, ни на секунду не задумываясь, что он сделает с ней после этого? Возможно, и так – разве мы всегда думаем о себе в минуту опасности? Но дворник ничего не подозревала о том, кто сидит перед ней на скамье. Возможно это и спасло её жизнь – кто знает...

Мужчина тяжело, словно нехотя, поднялся со скамьи и медленно побрёл к выходу.

До тех пор, пока он не скрылся из вида, дворничиха жалела его:

– Бедолага. Всё лицо поцарапано, синяк на лбу. Видно, дружки наподчивали. Справились, подлецы!.. Эх, и наподдала бы я им метлой, попадись они мне под горячую руку!

Но мужчина в пальто с чужого плеча этого проявления доброты и сочувствия уже не слышал: он спешил в свою комнату на окраине города, чтобы успеть помыться, привести себя в порядок, и идти на работу.

Его мысли были далеко от произошедшего с ним ночью: мужчина думал о том, что начальник был недоволен его работой, кричал, грозя окончанием терпения и увольнением с работы. Он же ничего не смог сказать ему в ответ. Думал он и о новом срочном задании, которое непременно должен выполнить качественно и в срок, чтобы вновь не подвергаться унижительным придиркам и оскорблениям строгого начальства.

Оценивая свои возможности, мужчина вытянул вперёд руки: пальцы мелко подрагивали, выдавая итог нечеловеческого нервного напряжения, перенесённого несколько часов назад.

– Как после похмелья! – усмехнулся уголками губ мужчина. И добавил рассудительно:

– Ничего, сейчас помоюсь, побреюсь, переоденусь, и всё пройдёт... Всё пройдёт, нужно просто взять себя в руки. Так было всегда... Так будет и сейчас

Открывая ключом дверь, он уже не просто знал – он был уверен в том, что всё будет именно так, как он сказал..

Глава 2. Страшная находка

Сергей Топилин вышел из дома раньше обычного. Он спешил. Нужно было ещё до начала рабочего дня подготовить кое-какие документы, которые он не успел подготовить с вечера. Утро едва брезжило, слегка осветляя непроглядную темень осенней ночи, стыдливо обнажая город во всей его и красоте, и неприглядности. Картина эта Сергею была привычна с самого детства, поэтому он воспринимал её, как что-то должное, обыденное.

На утро была назначена важная встреча с высокопоставленным лицом местного разлива, которая обещала, в случае успеха, для его карьерного роста определённые высоты. И хотя Топилин не был отъявленным карьеристом, но считал, что от возможностей, которые сами плывут в руки, отказываться нецелесообразно.

Чтобы сократить путь до гаража, где стояла его «ладушка», Топилин решил пройти через соседний проходной двор, которым в обычное время не пользовался, потому что тот был захламлён, имел весьма неприглядный вид и был условно проходным: чтобы попасть на соседнюю улицу нужно было пролезть через дыру в заборе, отделяющим двор от проезжей части.

Пройдя под арку вглубь двора, Топилин зацепился ногой за какую-то корягу и в сердцах чертыхнулся, напрягая глаза, чтобы рассмотреть предмет, который помещал его движению: уж очень коряга напоминала человеческое тело.

Кутаясь в воротник модного пальто, от порыва ветра сквозняком продувающего место, где он натолкнулся на странный предмет; Сергей полез в карман за зажигалкой, чтобы с её помощью рассмотреть неожиданную находку.

Он нервничал, торопился, поэтому слабый огонёк затухал, секунду поколебавшись на ветру. Тогда мужчина присел, подставив порывам ветра свою широкую спину, приближая крохотный огонёк к лежащему на земле предмету. Огонёк вырвал из тягучей темноты кусочек обнажённого тела, и Топилин от неожиданности, как-то по бабьи, воскликнул;

– О, Боже мой!

Голос в страхе метнулся прочь, к выходу, а обладатель оного остался на месте, как вкопанный, ещё не до конца осознавая, что за драма разыгралась здесь ночью. Наконец, справившись со своими чувствами, Сергей сделал попытку рассмотреть лицо женщины. Что это была женщина, он уже не сомневался.

Лицо жертвы со следами борьбы, застывшее в гримасе боли, страдания, поразило его чем-то неуловимо знакомым. Мысли в голове Сергея клубились роем, пытаясь извлечь из глубин памяти знакомые черты, но что-то мешало произвести идентификацию: то ли гримаса, искажившая лицо, то ли неестественно белого цвета волосы, превратившие лицо молодой, судя по формам, женщины, в лицо старухи.

Топилин лихорадочным движением попытался открыть портфель, чтобы достать сотовый телефон и не смог открыть замок – так у него дрожали руки.

– Чёрт! – через зубы выругался Сергей, – Что это я так раскис? Труп что ли никогда не видел?

Наконец, замок поддался нажиму, он достал телефон, набрал номер и, дождавшись ответа, сказал:

– Алло, это Топилин... Это ты, Никита?... Пиши вызов... Улица..., дом 37... Что?... Да, труп... Женщина... Лет 30—35... Похоже на почерк Хищника... Да-да... Уже четвёртый?... Как меня угораздило?... Хотел путь сократить: пошёл через соседний проходной двор... Что говоришь?... Да уж, сократил... Правду говорят: поспешишь – дальше будешь...

Сергей дождался следственной группы, дал следователю свой номер телефона и, сославшись на утреннюю встречу, добрался, наконец, до гаража и уехал в свою адвокатскую контору. Всю дорогу, вместо того, чтобы поразмыслить над предстоящей в половине девятого встречей с депутатом Областной Думы Рогозовым Вениамином Львовичем, он думал о том, где мог видеть женщину, жизнь которой оборвалась так варварски, так ужасно.

Ставя машину на стоянку возле своей конторы, он вдруг понял, кого напомнила ему несчастная жертва.

– Если бы не эти белые волосы, не, застывший в гримасе, ужас, то можно было подумать, что это наша однокурсница Леночка Банникова... Лена?! Наша тихая, домашняя Леночка? Не может этого быть!... Наверняка я ошибся. Эта женщина не может быть Банниковой! У Леночки чудные каштановые волосы и удивительно синие, доверчивые глаза... Я не видел глаз этой женщины! Я не видел их цвета! А ведь её глаза были открыты... И в них застыл такой ужас, что смотреть было невозможно... Какого цвета были у неё глаза?!... Какого?!... Не знаю... Не помню... Как же так?...

Сергей схватил телефон и, не выходя из машины, лихорадочно давя на кнопки.

– Алло, алло?! – почти кричал он в трубку. – Никита, Никита, это снова я: Сергей Топилин!

И потом, немного сбавляя тон:

– Я по поводу утреннего вызова... Уже известно, кто эта женщина?... Пока не известно?... При ней не нашли ничего? Сумочки... Нет... Ничего...

И после непродолжительного молчания, озвучил своё предположение:

– Возможно, я знаю, кто эта женщина... Почему молчал? Потому что лишь сейчас меня осенила догадка... Нужно кое-что проверить... Не знаю... Да не уверен я, Никита! Перепроверю – перезвоню... Сказал перезвоню, значит перезвоню: моё слово крепче алмаза – ты же знаешь.. Пока!...

Странно, но Сергей совершенно забыл о том, почему так спешил, его занимала одна парадоксальная на первый взгляд мысль, что жизнь, как не странно, очень мудрая штука и даёт человеку порой жёсткие и убедительные уроки: то, что он считает важным в данную минуту неожиданно оказывается каким-то второстепенным, даже глупым, теряющим свою важность, свою актуальность.

Сегодняшняя смерть, с которой он столкнулся так внезапно, совершенно не желая того, затмила собой и карьеру, и встречу с господином депутатом, и даже собственное благополучие. Он ломал голову над тем, у кого можно выяснить верна ли его догадка, и не мог придумать: слишком давно не общался с друзьями-однокурсниками по юрфаку СГУ.

– Некогда всё – недосуг? – любопытствовал главный оппонент – внутренний голос, явно намекая на его равнодушие к судьбам некогда близких людей. – Работа всё, карьера?...

И Сергей сорвался:

– Какой же ты идиот, Топилин! Разве настолько уж важны карьера, сиюминутная выгода, нужные знакомства? Перед лицом смерти вся эта мишура гаснет, как светлячок, на который только что наехал асфальтовый каток... Ты почти пять лет не общался с университетскими друзьями! При случайной встрече только: привет, как жизнь, пока... Ещё через пару лет перестанешь их узнавать. Леночку ты уже не узнал...

Сергей не успел должным образом «заклеймить позором» своё равнодушие, безразличие к людям, некогда занимающим в его душе столько места, а мысли уже катились дальше, как безудержный поток.

– Ведь Леночка нравилась многим нашим парням на курсе... Да и я относился к ней с симпатией. Ей нельзя было не симпатизировать... Лёгкий, светлый человечек – ни камешка в душе, ни камешка за пазухой... Добрые отношения у нас сохранились до самого окончания универа.

– Вот именно, до окончания! – ехидничал внутренний голос, растягивая в кривой усмешке губы Топилина. – Словно с ним и жизнь закончилась... И началась погоня за её благами.

Сергей зло ответил оппоненту:

– О чём ты, старик? С чего вдруг такие сантименты? Да у меня и времени-то нет на пустое времяпрепровождение... Тут ещё, как назло, эта встреча с господином Рогозовым, а я расклеился, как плохо слепленный вареник...

С угрызениями совести, то бишь с внутренним голосом, на этом можно было и покончить, ведь предстоящая встреча была намного важнее, намного значимее гибели женщины, интерес к которой давно канул в Лету. Но перед глазами Топилина отчётливо всплыло лицо тёти Нины – матери Леночки Банниковой, и в его, почти успокоенное сознание, чёрным ужом вползла мысль:

– «А как же тётя Нина, ведь Лена её единственная дочь?»

Сергею стало неуютно от осознания своего равнодушия к трагедии, произошедшей с однокурсницей, и захотелось самому себе плюнуть в лицо. Он усмехнулся криво и болезненно.

– «Непременно сделаю это в собственное отражение в зеркале», – вздохнув, мысленно решил Топилин, и не почувствовал от этого облегчения.

– Дьявол! – зло выругался он, даже не осознавая, что произносит ругательство с видимым неудовольствием человека, осознавшего вдруг, как всё это некстати.

– «Придётся звонить Антонине Николаевне и попытаться, как можно деликатнее, поинтересоваться, где сейчас находится её дочь?» – размышлял он, широким шагом направляясь к себе в контору.

Секретарь встретила его заинтересованным взглядом, призывно улыбаясь, кокетливо поправляя волосы и стараясь всем телом прижаться к шефу, обдавая его запахом дорогущих духов смешанным с запахом дамских сигарет. И эта адская смесь почему-то показалась ему неприлично-тошнотворной.

– Здравствуй, Серёженька, – произнесла она умиленным голосом, трепетной ланью заглядывая в его глаза.

– Катерина, – строго оборвал её тот, – ты находишься на рабочем месте!

– Но ведь никого же нет! – наступала та, не прекращая попытки к тесному контакту.
– Это не даёт тебе право вести себя так... разнузданно, – не сдавался Топилин.
– Ну, что, что?! – вспыхнула Катя. – Не понимаю я тебя Сергей... Владимирович!
– Чего не понимаешь? – рассеянно поинтересовался Топилин, пытаясь припомнить где у него записан адрес Банниковых.

– Ты, как капризная барышня: то притягиваешь к себе, то отталкиваешь... Я порой даже теряюсь от твоей холодности и равнодушия... И не знаю, как себя вести...

Топилин даже удивиться не успел тому, как его раскусила эта смазливая девчонка, которую он приберегал на всякий случай, особенно не приближая, но и не отдаляя от себя. Что она влюблена в него, как кошка, он догадался давно, но делал вид, что даже не подозревает о её чувствах.

Сергей взглянул на Катю с нескрываемой иронией и выдал на гора целую тираду:

– Это, что ещё за барышня?! Ты у меня договоришься, Катерина! Уволю без выходного пособия,.. Чтобы больше таких слов я не слышал!... Вам понятно, Екатерина Яковлевна?

Катя заморгала своими очаровательными глазками, изображая незаслуженную обиду и произнесла покорно, стараясь смирить гнев шефа:

– Как скажете, Сергей Владимирович.

– Ну, то-то же, – сменил тот гнев на милость, и его губы тронула лёгкая улыбка.

И добавил, глядя на Катерину совсем иным взглядом:

– Вениамин Львович звонил?

– Кто-кто? – переспросила секретарь, ещё не отошедшая от только что полученной взбучки.

– Рогозов звонил? – терпеливо переспросил Топилин. – Встречу нашу не отменил?

– Нет, не отменил, – сухо ответила Катя. – Звонил его помощник и сообщил, что Вениамин Львович будет через полчаса.

Но, посмотрев на настенные часы, поправилась:

– Теперь уже через пятнадцать минут, шеф.

– Хорошо, – ответил шеф. – Как только появится, сразу доложи мне – я буду в комнате отдыха... Он не уточнил по какому вопросу?

– Кто? – не поняла секретарь.

– Кто-кто? Дед Пихто! Конечно же помощник!

– Нет, не уточнил, – Катерина была всё так же корректна и суха.

– Да, ладно тебе, Катюша! – примирительно произнёс Топилин. – Если бы ты знала, что со мной произошло сегодня утром, ты бы не стала дуться...

Катерина молча пожала плечами, с видом холодного равнодушия, и на лице её было написано: «какое мне дело до того, что произошло с вами сегодня утром? Это ваши проблемы – не мои».

– Ну, спроси у меня, спроси: -«И, что же произошло с тобой сегодня утром, Серёженька?» – попросил Топилин.

– Зачем? – вяло поинтересовалась Катя, желая помучить шефа за его недавний срыв.

– Чтобы понять и простить!

– Ну, и что же произошло с вами, Сергей Владимирович? – всё так же нехотя поинтересовалась она.

Топилин не стал тянуть с ответом, но постарался придать ему некую таинственность и загадочность:

– Представляешь, Катюша... Собирался приехать сегодня на работу пораньше... Решил путь до гаража сократить – пошёл через соседний проходной двор... И там лицом к лицу... Столкнулся с последствием очередного нападения Хищника.

– Какого хищника? – заинтересовалась секретарь.

– Того самого, что насилует и убивает молодых женщин.

Катерина посмотрела на Сергея расширенными от страха глазами, и неожиданно начала заикаться:

– Т-ты, столкнулся ут-тром с женским...

На определение того, с чем он всё-таки столкнулся у Катерины не хватило ни сил, ни смелости. В подобных случаях девушка всегда начинала заикаться: давала о себе знать детская психическая травма, произошедшая с ней почти пятнадцать лет назад.

– Вот именно, – подтвердил Топилин.

– Т-теперь понятно, почему ты сегодня так... к-колюч...

– Я не колюч – я озадачен, расстроен. Можно сказать – раздавлен, – поправил её Сергей.

– Понимаю, – торопливо отреагировала Катерина. – Я понимаю тебя, дорогой!

Взгляд девушки заметно потеплел, а голос стал мягким и участливым:

– Может коньячка налить... Серёжа?

– Не теперь! – ответил тот, – Только после встречи с Rogozovым. Сейчас я должен подготовиться к визиту важного гостя. Хотя...

Топилин поднял взгляд на часы и продолжил с лёгкой досадой:

– Времени у меня на это уже не осталось... Если, конечно, Rogozov не опоздает на встречу.

– Такие люди не опаздывают! – с искренним пафосом выдала Катя. – Они только задерживаются.

– Откуда знаешь? – усмехнулся Топилин.

– Догадываюсь.

Глава 3. Запланированная встреча

Встреча с Рогозовым прошла более, чем сдержанно: стороны изучали друг друга, прощупывали. Это было видно по всему: по осторожным взглядам, по непрямым вопросам, поверхностным, недосказанным ответам.

Для начала Рогозов, как опытный политик, выдал пару комплиментов, пытаясь тем, если не поразить адвоката, то хотя бы расположить к себе. Но Топилин не попался на его удочку: всё-таки не какой-то там выпускник юрфака, а известный в городе юрист.

Затем Вениамин Яковлевич, как бы между прочим, намекнул на ухудшающуюся криминальную обстановку, на газетную шумиху вокруг некоего маньяка, прозванного в народе «Хищником», и на задержание его племянника в связи с изнасилованиями и убийствами нескольких женщин.

– Ну, вы-то, Сергей Владимирович, понимаете, что Денис Райский не причастен к этому никаким боком? Ведь сегодня вы сами стали свидетелем убийства женщины...

– Вы ошибаетесь, Вениамин Яковлевич, я не был свидетелем убийства, я лишь обнаружил труп женщины, направляясь на встречу с вами.

– Но разве это не свидетельство того, что Хищник на свободе, и он продолжает насиловать и убивать?! Разве я не прав?...

– Пока ещё не доказано, что девушку убил именно Хищник, а не кто-то другой, – пытался сопротивляться нажиму Топилин.

– Доказано, дорогой Сергей Владимирович, доказано! – почти радостно объявил Рогозов. – Наш Денис ни в чём не виновен!... Ну, выпил немного лишнего в компании друзей... Ну, немного повздорили – выяснили отношения. С кем не бывает?

Молодо – зелено. Головушка горячая, кровь бурлит... Так он себе больше нанёс вреда, чем кому-то ни было!... Его беда, что завернул в этот парк, и прикорнул на лавочке... почти рядом с убитой девушкой... Но спать на лавочке – это же не преступление!

Топилин не знал, что ответить на эту, явно пропагандистскую речь чиновника: оправдать не мог, а обвинять – не хотел, чтобы не навлечь на свою голову немилость властных структур.

– «Да, положеньице – думал он, – хуже не придумаешь. Но ведь не затем он сюда явился, чтобы агитировать за своего племянника... Весь город не переубедишь с наскока – для этого нужны доказательства, а ещё лучше – сам убийца. Нужен Хищник»

Ломать голову над тем, что хочет от него этот по дипломатически осторожный человек, Топилину не хотелось, поэтому он решил подтолкнуть разговор к главному: к цели визита.

– Чем я могу помочь вам, Вениамин Яковлевич? – поинтересовался он.

– А вы сообразительны, Сергей Владимирович! – улыбнулся в ответ Рогозов. – Умные, сообразительные люди мне всегда импонировали.

Сергей никак не отреагировал на очередную лесть «гостя», лишь улыбнулся в ответ, ожидая, когда наконец тот перейдёт к главному.

– Я хотел бы, предложить вам, Сергей Владимирович, стать адвокатом моего племянника, – наконец выдал гость причину своего появления в конторе Топилина.

– Но почему именно я? – удивился Сергей. – У вас есть возможность пригласить лучших адвокатов из Москвы!

– Губернатор намекнул мне, что не стоит выносить сор из избы... Поэтому лучшей кандидатуры, чем вы, Сергей Владимирович, нам не найти.

Сергей внутренне усмехнулся своим «ядовитым мыслям»: – «За неимением лучшего, сой­дѣшь и ты, Топилин!»

Гость дал это почувствовать, может быть, даже не желая того.

– Соглашайтесь, Сергей Владимирович, – не пожалеете. Ваш труд будет оплачен по высшей категории... А потом и поддержка прессы гарантируется. Ну и соответственно МВД, ФСБ...

Топилин прекрасно понимал, что это предложение по своей сути – палка о двух концах: в случае успеха, т. е. позитивного решения вопроса, его ждут призы и бонусы, в виде всегородской известности и популярности, а в случае исхода негативного – забвение, возможно, даже уход из юриспруденции.

Решение было трудным и его предстояло принять сейчас – времени на раздумье Rogozov не давал.

– Ну, что вы решили? – настаивал он. – Могу ли я порадовать свою сестричку и любимого племянника хорошим сообщением?

– Да-да, – не совсем уверенно произнёс Топилин, интуитивно сомневаясь в правильности своего решения, но шаг уже был сделан и отступать было некуда.

Rogozov расплылся, в почти счастливой, улыбке, подавая Топилину руку, рукопожатием предлагая скрепить их договор. И Сергею не осталось ничего, как пожать протянутую руку.

После ухода визитѣра Сергей посмотрел в висевшее на стене зеркало с видом человека, идущего на эшафот, и сказал вслух:

– Серѣга, ты сейчас безрассудно прыгнул в омут, даже не удостоверившись, какая там глубина. Уверен, что выплывешь?

В дверях стояла Катерина и смотрела на него, как на пациента «психушки».

– Приятно поговорить с умным человеком? – поинтересовалась она, и взгляд её выразал обеспокоенность.

– Ещё как! – ответил он. – Ещё как...

– У тебя сегодня несколько клиентов, – напомнила секретарь.

– Не сейчас! – твёрдо ответил Сергей.

– Как же так?! Люди ждут уже битый час! – пыталась протестовать Катерина, но Сергей успокоил её:

– Пару звонков! Всего лишь пару звонков, Катюша, и потом я целиком в вашем распоряжении.

Катя округлила глаза, выказав тем свои чувства: хотелось выразить протест, но вид шефа показывал: нестоит.

– Так-то лучше! – вслух решил он, оставшись в комнате отдыха наедине с собой. – Правильно говорил мне отец: – «Посадишь женщину на шею один раз – будешь жалеть всю оставшуюся жизнь».

Впрочем, если развить эту мысль применительно к данному случаю, то, пожалуй, уже поздно: на шею Катерина села мне давно...

Взять хотя бы вчерашний день... Она одним взглядом отдавалась уже с порога...

И потом эти сцены? Какое право имеет эта девчонка закатывать мне сцены ревности?...

Ну, подумаешь пару-тройку раз зажал её в этой комнате?... Взять, правда не удалось ни разу: каждый раз мешал телефонный звонок... А ведь она была явно не против: таяла, как воск под моими руками...

Но, через минуту Топилин напрочь забыл и об умных словах отца и о влюблённой в него Екатерине, потому что был занят более важной проблемой.

– Куда дел свою записную книжку? – ломал он голову. – Я должен позвонить тёте Нине... Я непременно должен позвонить ей, чтобы всё выяснить.

Но нужной книжки нигде не было. Сергей перевернул все ящики письменного стола в кабинете, пересмотрел полки и полочки, даже в бар в комнате отдыха – книжка словно испарилась.

Топилин попытался припомнить, когда он видел её в последний раз, но вспомнить не смог.

– «Видимо, по ошибке выбросил её вместе с ненужными бумагами», – решил он, досадуя на свою оплошность.

– Что же делать? – бурчал он себе под нос. – Что делать?

Через пару минут ответ нашёлся сам собой:

– Нужно звонить Рябининой: уж она-то наверняка знает и телефон, и адрес Банниковых...

* * *

Николенька Фёдоров рос в благополучной и вполне обеспеченной семье. Его мама – Зоя Петровна, на последнем курсе института вышла за молодого преподавателя, появившегося в их заведении год назад. Девчонки с их курса завидовали ей ужасно и даже во время свадебного застолья пытались увести Вадика из-под носа невесты. Но Зоенька крепко держала мужа подле себя, не теряя бдительности ни на секунду.

Спустя два дня после защиты диплома, Зоеньку увезли в роддом, где она благополучно произвела на светла мальчика, которого молодые супруги, при обоюдном согласии, назвали Николенькой.

Когда ей принесли в палату сына, молодая мама даже вздрогнула от неожиданности: мальчик напомнил её первую любовь – Виктора Танкова, с которым они «крутили любовь» в выпускном классе, и даже пару раз кувыркались на сеновале. Но жизнь их вскоре развела по разным сторонам, слава Богу, не оставив никаких видимых последствий.

Вадим Фёдоров, конечно, был не чета Витьке Танкову. Танков – бестия с ангельским лицом, был высоким блондином с длинными волнистыми волосами, весьма спортивным. А главное у него были глаза, какого-то невероятно-серебристого цвета. Его даже одноклассницы между собой иначе, как серебряноглазым, не называли. У Николеньки были именно такие глаза. Да и волосики вились золотисто-белыми завитками.

Вадим же Львович – среднего роста, немного полноватый, с лёгкими залысинами, которые делали его высокий лоб ещё больше, придавая лицу умный вид. Вот и все, пожалуй, внешние достоинства Вадика. В остальном: мелкие черты лица, нос пуговкой, глаза почти шоколадного цвета и тёмные, начинающие редеть, волосы.

Достоинства Фёдорова были иные: он умел извлечь выгоду из всего, что встречал на своём пути, легко обеспечивая безбедное существование своей семьи, ведь Зоенька после рождения ребёнка вынуждена была сидеть дома – воспитывать сына и «ублажать» мужа, делая его жизнь лёгкой и комфортной.

Собственно, по этому поводу Вадим Львович не заморачивался: он мог бы обеспечить ещё две такие семьи. Злые языки поговаривали, что он так и делает. Доказать только не могли.

Зоенька Петровна на все предостережения «подруг» отвечала благодушной улыбкой:

– Не бойся, милая, за Львовича – не сотрётся! Нам с Николенькой главное, чтобы папочка деньги нёс в дом, а куда он «пар» спускает – нам без надобности!

Любила ли она мужа? Зоя и сама не знала. А вот сына обожала со щенячьей преданностью. Могла часами расчёсывать и гладить его кудри, целовать каждый пальчик на его пухленьких ручках, награждая всевозможными ласковыми словами.

– Ангелочек мой золотоволосый! Пупсик серебреноглазый! Радость моя... Счастье всей моей жизни...

Муж неоднократно предостерегал её, что балует она через-чур сына, что до добра это не доведёт.

– Ну, не тебя же мне баловать! – смеялась в ответ Зоенька Петровна. – У тебя и без меня, как я слышала баловниц хватает...

Мальчик Николенька рос в неге и холе. И, чем больше подрастал – тем больше менялся внешне: серебро глаз как бы выгорало, придавая взгляду лёгкую запылённость, а кудри, напротив темнели и распрямлялись. Но любовь матери к сыну от этого не становилась слабее.

В двенадцать лет Николенька был выше почти всех своих одноклассников, очень худощавым и нескладным подростком, который уже знал, как можно себя вести с матерью, и как нельзя – с отцом. И у первой, и у второго он умел выцыганить для себя карманные деньги, а потом широким жестом угощать своих одноклассниц и одноклассников мороженым, или всех повести на новый фильм. От чего числился в лидерах и весьма гордился этим.

Дома это был один человек: иногда капризный, иногда жестокий, иногда гибкий, иногда ласковый, а на улице – другой: весёлый, юморной, не лишённый, однако, настырности, хитрости и даже жестокости. Уже с этого возраста Николенька уяснил: бояться и подчиняются сильным – слабаков не любит и не уважают.

Когда Николеньке исполнилось тринадцать лет, в их семье произошло неприятное событие: «папочка», как звала Зоя Петровна мужа, ушёл к молодой аспирантке, и тут же подал заявление на развод. Зоя несколько раз пыталась поговорить с ним, но всегда нарывалась на новую «пассию» мужа, которая сумела «приручить Вадика, как домашнюю собачонку».

Для матери и сына настали трудные времена, и если поначалу Зоя пыталась как-то бороться с этой проблемой, то потом сдалась окончательно и бесповоротно. Стала попивать, водить в дом мужиков, за счёт которых кое-как существовала её семья.

Соседки советовали ей пойти на работу, но она отвечала, высоко подняв голову:

– Я в своей жизни ни дня не работала и жила припеваючи! Проживу и сейчас!

Те качали головой, понимая, что эту мадам не переубедить.

Николенька кое-как закончил восемь классов и поступил в полиграфический техникум, первый подвернувшийся под руку. Вот тут уж ему приходилось учиться хорошо, чтобы полу-

чать повышенную стипендию – денег в доме всегда не хватало. Львович поначалу давал бывшей жене кое-какие деньги на сына, то она все их пропивала в весёлой компании.

Однажды Вадим Львович сказал бывшей жене:

– Больше денег, Зоя, я тебе давать не стану. Хочешь жить, как люди, – устраивайся на работу. Сына буду одевать, давать деньги на столовую, чтобы он хотя бы там мог нормально питаться. Тебе не дам больше ни гроша.

Зоя подняла страшный скандал, кричала, ругалась, называла его всякими нехорошими словами. Вадим Львович развернулся и ушёл, а мать долго ещё бесновалась, пока не свалилась и заснула.

Николенька возненавидел и вечно нетрезвую мать, и отца, из-за которого его жизнь стала просто невыносимой. Возненавидел до судорог, до дрожи. Мечтал только об одном, чтобы эти «уроды», наконец, сдохли оба – и отец, и мать. Но деньги у отца всё же брал, хотя от этого у него всё внутри переворачивались.

На последнем курсе у Николеньки появились новые потребности: тусовки, рулетка и девочки облегчённого поведения, а потому денег требовалось больше. Однако, он сделал для себя открытие, что денег с папочки можно выколачивать больше, если оказать некое внимание его молодой жене, и частенько этим пользовался.

Но после окончания техникума папочка отказал сыну в поддержке так же, как когда-то его матери, безапелляционно посоветовав ему устроиться на работу.

Зоя Петровна к тому времени совсем потеряла былой облик – стала злой, желчной, вечно недовольной старухой, хотя ей было едва за сорок. Пьянки не прекращались: один мужик смеялся другому. Всех, кто приходил с бутылкой, эта женщина принимала с рапростёртыми объятиями.

Николенька уже не мог терпеть загаженной квартиры, вечных пьянок, опустившейся матери, грязных и грубых мужиков, пытающихся или втянуть его в свою компанию, или учить его жизни и однажды пырнул ножом очередного мамашинного кавалера. Потом вложил нож в руку, уснувшей за столом матери, собрал скудные вещички и ушёл из дома. В этот же вечер уехал на первом попавшемся поезде, куда глаза глядят. Сошёл раньше пункта назначения, опасаясь, что его станут искать.

Его не мучили ни угрызения совести, ни воспоминания, ни сожаления. Просто в нём что-то сломалось – какая-то главная пружина. Жил точно во сне: где-то снимал комнату, где-то работал, пытался устроить семейную жизнь, но те женщины, которые ему хоть немного нравились, шарахались от него, как от прокажённого. И он стал им мстить. Им – женщинам: всем и каждой в отдельности, барражируя вечерами по улицами отлавливая запоздавших. И уже не мог жить без этого.

Насилие и убийство будоражило его нервы, поднимало собственную значимость на небывалую высоту. Это стало для него наркотиком с самыми настоящим синдромом абстиненции, когда он на некоторое время вынужден был прекратить свой поход за очередной «любимой женщиной».

Когда понимал, что ни сегодня-завтра за ним придут, срывался и уезжал в другой город, всё дальше и дальше от места, где родился, вырос, где прожил столько счастливых лет до того времени, когда отец предал его – поменял родного сына на смазливую проститутку.

Единственной мечтой Николеньки было вернуться когда-нибудь в родной город и сделать с этой сучкой то же, что он делал с остальными женщинами. Да нет, он просто убьёт её, не станет посвящать в любимые – она не достойна этой чести. А потом он уничтожит и папеньку. За все свои страдания, за то, что сделал его несчастным, никому ненужным созданием, у которого нет ни дома, ни семьи. Нет ничего. У него даже жизни нет. Живёт он только ночью, когда охотится...

Глава 4. Частный детектив Рябинина

В небольшом, но, по современным меркам, вполне уютном кабинете, за массивным канцелярским столом сидела хрупкая девушка и что-то сосредоточенно писала, изредка бросая взгляд на дверь, словно ожидая кого-то. Время от времени непослушная прядь волос рыжеватого-золотого оттенка, падала ей на глаза, и девушка механически сдвигала её, не отвлекаясь от работы.

Возможно, именно массивность стола придавала ей эту хрупкость, даже воздушность, но, когда девушка поднялась и стала прохаживаться по кабинету, она уже имела вид не эфемерного, воздушного создания, а вполне нормальной, весьма хорошенькой особы. Единственно, что придавало ей неожиданную эфемерность – бледность лица, его тонкие линии. Такие лица писали знаменитые художники романтического, девятнадцатого века, но такие встречаются и в наши, приземлённые времена.

Раздался телефонный звонок. Девушка лёгким шагом подошла к столу, и, зажав носик двумя пальцами, сказала:

– Детективное агентство «Т.Р.И.М.» слушает вас.

Трубка что-то сообщила ей и девушка ответила всё так же гнусаво:

– Сейчас соединю.

Затем она положила трубку на стол, неспешно вернулась на своё место и, поднеся её к ушку, сказала уже своим обычным голосом:

– Алло? Рябинина слушает.

В кабинете на несколько секунд воцарилось молчание, лишь слышалось неспешное тиканье настенных часов. Было видно, что девушка с красивой фамилией – Рябинина, умеет не только говорить «чужим» голосом, но умеет и слушать.

Затем последовал ответ:

– Спрашиваешь, Серёженька, что с голосом моего секретаря? Простыла девушка. С кем не бывает?...

И снова молчание повисло в комнате, лишь изредка прерываемое лёгким постукиванием карандаша по столу, находящимся в тонких пальцах девушки.

– Банникова Елена?... Надо же, вспомнил!... Только теперь она не Банникова, а Инина... Была... Сейчас в разводе... Слушай, Топилин, к чему этот нездоровый интерес?... Ах, позвонить хотел, но телефон её потерял? А ты уверен, что он с тех пор не изменился?... Почему такая колючая? Вовсе не колючая – это у меня юмор такой. Юморю я так, Серёжа – юморю...

Тонкое лицо Рябининой исказила кривоватая улыбка, смахивающая на ухмылку, через секунду бесследно исчезающая. Пухленькие губы девушки сжались твёрдо, почти трагически, а взгляд стал полу-недоверчивым, полу-испуганным.

– Не шути так, Топилин, – попросила Татьяна. – Я только вчера разговаривала с тётей Ниной... Столкнулась с ней на рынке и мы минут десять проговорили...

Она сказала, что у Лены всё хорошо складываться начало, что она познакомилась с хорошим человеком... И на работе у неё всё наладилось... Да были какие-то разногласия с работодателем... На частном предприятии она работает – в качестве юриста.

Снова молчание и снова стук карандаша – на этот раз громкий и нервный.

– Позвоню. Сейчас прямо и позвоню... И рабочий знаю, и домашний... Конечно. Потом тебе перезвоню. Думаю минут через пятнадцать. Жди.

Когда частный детектив Татьяна Рябина положила трубку вид у неё был явно обескураженный.

– Нет-нет, – произнесла она вслух, – этого не может быть! Сергей ошибся – я уверена в этом. Было темно, он просто не рассмотрел, как следует, ту женщину из проходного двора. Это не Лена! Кто угодно – но не она...

Многословность девушки была связана с боязнью того, что сообщение Топилина может быть правдой. И эта боязнь не позволяла ей сделать очевидный шаг: набрать знакомый номер и сказать: –«Алло! Инину Елену можно пригласить к телефону?»»

Борьба с собой продолжалась несколько минут. Татьяна широкими, почти мужскими шагами, мерила кабинет, думала, накручивая виток за витком. Наконец, очередной виток был прерван и Таня решительным жестом сняла трубку и набрала карандашом номер.

К телефону долго никто не подходил, и девушка вновь начала нервничать. Наконец, в трубке щёлкнуло и сердитый мужской голос оповестил:

– Степанян на проводе.

Рябина не успела представить юмориста, который почему-то находился на проводе, так как тот, не меняя тона, продолжил:

– Слушаю вас внимательно.

– Здравствуйте, – вполне миролюбиво отреагировала Таня.

– Здравсте! – буркнул в ответ мужчина.

– Как можно услышать Леночку Инину?

– А никак!

– Отчего так? – не поняла Таня. – Не может подойти?... Она мне очень нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.